

ЗАВОЕВАТЕЛИ

Роджер Кроули

КАК

ПОРТУГАЛЬЦЫ

СОЗДАЛИ ПЕРВУЮ

МИРОВУЮ ИМПЕРИЮ

Роджер Кроули Завоеватели. Как португальцы построили первую мировую империю Серия «Memorialis»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25562691

Завоеватели. Как португальцы построили первую мировую империю:

Центрполиграф; Москва; 2017

ISBN 978-5-227-07633-5, 978-5-227-07632-8

Аннотация

Книга британского историка Роджера Кроули посвящена эпохе великих завоеваний и географических открытий XV–XVI вв. За неполные тридцать лет правления короля Мануэла I португальским мореходам удалось укротить ветра Атлантики, покорить океаны и утвердиться в неизведанных землях – Васко да Гама открыл морской путь в Индию, Педру Кабрал достиг берегов Южной Америки, Франсишку ди Алмейда стал первым вице-королем Индии, Афонсу ди Албукерк основал колонии в Персидском заливе и Малакке. Автор живо и ярко описывает жизнь и подвиги этих бесстрашных мореплавателей, кораблекрушения, морские сражения и другие

суровые испытания, выпавшие на долю основателей первой мировой империи. Роджер Кроули также рассказывает о навигации и кораблестроении, торговле, дипломатии и развитии науки в период португальской экспансии, который ознаменовал начало Нового времени.

Содержание

Пролог. Нос Европы	6
Часть первая. Рекогносцировка: путь в Индию. 1483–1499	17
Глава 1. Индийский план. 1483–1486	18
Глава 2. Гонка. 1486–1495	39
Глава 3. Васко да Гама. Октябрь 1495 – март 1498 года	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Роджер Кроули

Завоеватели. Как

португальцы построили

первую мировую империю

Copyright © Roger Crowley, 2015

Maps © András Berezsnay

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

*** * ***

*С благодарностью Паскалю, который
вдохновлял и поддерживал меня в этом
путешествии.*

Большое тебе спасибо.

*Греки или римляне устанавливали морские
границы. Португальцы владеют морем
безраздельно.*

Фернанду Песоа

Пролог. Нос Европы

20 сентября 1414 года в Пекин впервые привезли жирафа. Ведомый своим хозяином-бенгалийцем, жираф шествовал к императорскому дворцу сквозь толпы горожан, желавших поглазеть на диковину «с туловищем оленя, хвостом быка, с мягкими рожками на голове и шкурой, покрытой блестящими пятнами, точно это не зверь, а рыжее облако или мираж» – так описывал явление жирафа придворный поэт Чжэн Ду. Животное было признано безобидным и даже кротким – «его копыта не опасны для человека... он поводит глазами, точно лань, вызывая у видящих это изумление и восторг». Это был подарок императору от султана далекого Малинди в Восточной Африке, экзотический трофей одной из самых необычных и блистательных морских экспедиций за всю историю мореплавания, запечатленный на современной картине. В течение 30 лет XV века Юнлэ – император из новой династии Мин – отправлял в западные моря свои эскадры, дабы продемонстрировать могущество империи. Императорский флот был огромен. Первая экспедиция в 1405 году насчитывала около 250 судов и 28 тысяч человек команды. Флагманы – массивные суда-сокровищницы – многопалубные, в девять мачт джонки длиной 440 футов, были по новейшей методике того времени разделены на отсеки водонепроницаемыми перегородками и снабжены огром-

ными рулями. Их сопровождали многочисленные вспомогательные суда – военные, а также везущие лошадей, солдат, провиант и воду. Связь осуществлялась посредством флажков, фонарей и барабанов. В состав экспедиции входили толмачи, сведущие в западных варварских наречиях, и летописцы, которым полагалось вести хронику событий. Провианта везли из расчета на год, дабы не зависеть от местных обстоятельств. Маршрут, пролежавший через самое сердце Индийского океана – из Малайзии в Шри-Ланку, определялся по компасам и астролябиям в огранке из слоновой кости. Говорили, что суда-сокровищницы, или «звездные плоты», настолько совершенны, что годятся для путешествия даже на Млечный Путь. «Наши паруса, плывут высоко, точно облака в небе, – указывал летописец. – День и ночь ведут они нас, скорые, точно звезды, по бешеным волнам». Командовал эскадрой евнух-мусульманин Чжэн Хэ, дед которого совершил паломничество в Мекку, также известный под именем Ма Саньбао, что значит «Три сокровища». Всего легендарных экспедиций было семь – шесть во время правления Юнлэ и еще одна в 1431–1433 годах. Каждая продолжалась два-три года и охватывала гигантские территории в Индийском океане – от Борнео до Занзибара. Имея солидные средства защиты от пиратов, достаточные, чтобы захватить власть в иных землях, и большой груз товаров для обмена, китайские мореплаватели не преследовали ни военных, ни экономических целей, но главным образом стремились показать мяг-

кую силу, уведомить прибрежные государства Индийского полуострова и Восточной Африки о могуществе Китая, избегая вступать с ними в конфликт. Не было и речи о военной оккупации или препятствиях для свободной торговли. Наоборот, гости всячески демонстрировали, что Китай скорее дает, чем забирает, – «отправиться в дикие земли... и преподнести им дары, дабы поразить их демонстрацией нашего могущества». Они везли с собой дары, рассчитывая поразить воображение дикарей, ввергнуть варваров в благоговейный страх перед величием заморской цивилизации. И расчеты их оправдались. Вскоре потрясенные послы из варварских земель потянулись с ответным визитом к Юнлэ, дабы выразить свое восхищение его империей, которая по праву занимает центральное место во вселенной. Заморские дары – драгоценные камни, жемчуг, слоновая кость, экзотические животные – служили не только символом признания превосходства Китая. «Число наших вассалов увеличилось, – читаем в хронике, – за счет стран на краю земли». Под краем земли летописец подразумевает окраины Индийского океана, хотя китайцы хорошо представляли себе, что находится за его пределами. К тому времени, когда европейские мореплаватели только начинали проникать в Восточную Африку, строя догадки о соединении океанов и возможных очертаниях континента, китайцы, похоже, успели все разведать. В XIV веке в Китае была создана карта, на которой Африка имеет форму треугольника с большим озером посередине и реками, те-

кущими на север.

Через год после появления в Китае жирафа на берега Африки, за 21 тысячу морских миль от Пекина, прибыла иная сила. В августе 1415 года португальский флот, пройдя Гибралтар, взял штурмом мусульманский порт Сеута в Марокко, одну из самых надежно защищенных крепостей Средиземноморья, имеющую стратегическое значение. Покорение Сеуты ошеломило Европу. В начале XV века население Португалии перевалило за миллион, но экономика, основой которой было натуральное хозяйство и рыболовство, приносила слишком скромный доход. Бедность не позволяла королям чеканить собственные золотые деньги, несмотря на все их честолюбие. Король Жуан I, внебрачный сын Педру I, основатель Ависской династии, захватив трон в 1385 году, провозгласил независимость от соседней Кастилии. Кипучая энергия правящего класса должна была найти применение в новой военной кампании, представленной в духе средневекового рыцарства, как новый крестовый поход. Португальцам выпал шанс омыть руки в крови неверных, которым они с готовностью воспользовались. Грабежи и резня, продолжавшиеся трое суток, опустошили город, некогда подобный «цветку среди всех городов Африки» и бывший «ее вратами и ключом». Жестокая расправа над Сеутой дала понять европейским соперникам Португалии, что маленькое королевство сильно, энергично и находится на подъеме.

24 августа в городской мечети, срочно переименованной

в церковь Богоматери Африканской, сыновья Жуана – Дуарте, Педру и Энрике, – отличившиеся при штурме крепости, получили из рук отца рыцарское звание. Для юных принцев это был судьбоносный момент. В Сеуте португальцам впервые приоткрылись сокровища Африки и Востока. Здесь сходились все караваны, следовавшие через Сахару с золотом, добытым на реке Сенегал, с пряностями из Индии, которые торговцы-мусульмане везли затем в Европу. Сюда, согласно португальскому хроникеру, съезжались купцы «из Эфиопии, Александрии, Сирии, Барбарии, Ассирии... а также живущие по ту сторону реки Евфрат и в Индии... и из многих других земель за экватором». В Сеуте глазам европейских завоевателей предстали лавки, ломящиеся от дорогого товара – гвоздики, перца, корицы, – которые были тотчас безжалостно разрушены в поисках спрятанных сокровищ. Около 25 тысяч лавок было подвергнуто разрушению, а равно и жилища, искусно украшенные восточными коврами, с просторными подземными бассейнами, выложенными узорной плиткой. «Наши бедные дома – просто свинарники, – писал очевидец, – по сравнению с домами в Сеуте». Именно здесь Энрике впервые задумался о богатствах, что кроются за экватором, под защитой исламских крепостей, образующих барьер вдоль побережья Африки, который необходимо сломать, чтобы овладеть богатствами. Сеута ознаменовала начало португальской экспансии, стала отправной точкой нового мира.

Португалии было суждено оставаться в стороне от средиземноморской торговли и вообще новых веяний. Эпоха Возрождения прошла мимо португальцев. Сидя на задворках Европы, они могли лишь с завистью взирать на богатые, процветающие города вроде Венеции и Генуи, где находились главные рынки восточной роскоши. Пряности, шелка и жемчуг поступали туда из мусульманских Александрии и Дамаска и продавались по монопольным ценам.

Зато им был открыт океан.

В 20 милях к западу от порта Лагос на португальском побережье имеется каменистый выступ, вдающийся в Атлантику, – мыс Святого Винсента. Это так называемый нос Европы, крайняя юго-западная точка континента. В Средневековье тут заканчивалась география, далее лежала полная неизвестность. Скалы, широкий водный простор, волнуемый никогда не стихающим ветром. На западе кривая горизонта прерывается, исчезает из вида – там, где по вечерам тонет в морской пучине солнце. Тысячи лет обитатели Иберийского полуострова глядели отсюда в бездну. Во время шторма вал за валом яростно обрушивается на скалы, вскипают среди волн пенистые буруны, повинаясь тяжелому ритму океана. Арабы, отважившиеся недалеко выходить в океан через Гибралтар, именовали западные акватории «зеленое море мрака»: таинственное, ужасное и, вероятно, бесконечное, издревле обросшее слухами и легендами. Римлянам были известны Канарские острова – нагромождение скал у побере-

жья Марокко, названные ими острова Счастья, — начало отсчета долготы в восточном направлении. На юге простиралась загадочная Африка, но насколько широко и далеко — никто не знал. Античные и средневековые карты на папирусе и телячьей коже обычно изображали мир в виде круглой тарелки: посередине суша, вокруг океан. Неведомая европейцам Америка на картах отсутствовала. Античный географ Птолемей, высоко чтимый в Средние века, полагал, что Индийский океан — это внутреннее море, со всех сторон окруженное сушей, добраться до которого морским путем невозможно. И все-таки перспективы, что открывались с мыса Святого Винсента, были для Португалии весьма заманчивы. Португальцы, прирожденные рыбаки и мореходы, умели искусно лавировать в открытом море, знали секреты атлантических ветров, и по части мореплавания мало кто в Европе мог с ними сравниться. После взятия Сеуты они применяли эти знания и навыки, продвигаясь все дальше на юг вдоль африканского побережья, что наконец позволило им проложить морской путь в Индию.

Крестовые походы против мусульман в Северной Африке были тесно переплетены с морскими вояжами. Параллельно происходило возвышение Ависской королевской династии, правившей 163 года после покорения Сеуты. Это время ознаменовалось беспримерными достижениями португальцев в области мореплавания. Португальские моряки исследовали все западное побережье Африки, обогнули мыс

Доброй Надежды и в 1498 году достигли Индии. В 1500 году португальцы высадились в Бразилии, в 1514 – в Китае и в 1543 – в Японии. Португалец Фернан Магеллан, состоявший на службе испанского короля, командовал первой кругосветной экспедицией, а также несколькими последующими. Начало этим проектам положила Сеутская кампания, предпринятая с целью обогащения, а также демонстрации националистического и религиозного превосходства над глубоко ненавистным европейцам исламским миром. Когда начались крестовые походы в Северную Америку, толпы португальских конкистадоров отправлялись через океан, чтобы впервые вкусить крови, приобрести аппетит к войне и насилию, а затем ехали в район Индийского океана за богатой добычей. Притом что в XV веке население Португалии примерно равнялось числу жителей одного лишь китайского города Нанкин, португальские корабли представляли собой более грозную силу, нежели целая армада Чжэн Хэ. Китайские экспедиции по стоимости и сложности осуществления были сравнимы с выстрелами из пушки по Луне – каждая обходилась в половину годового государственного дохода и была столь же малоэффективна. Пребывание китайцев в Индии прошло бесследно – как пребывание человека на поверхности Луны. В 1433 году, во время седьмой по счету экспедиции, Чжэн Хэ умер, предположительно в Каликуте на побережье океана, и был погребен в море. После его смерти экспедиции прекратились. Политика Китая приняла иное направление:

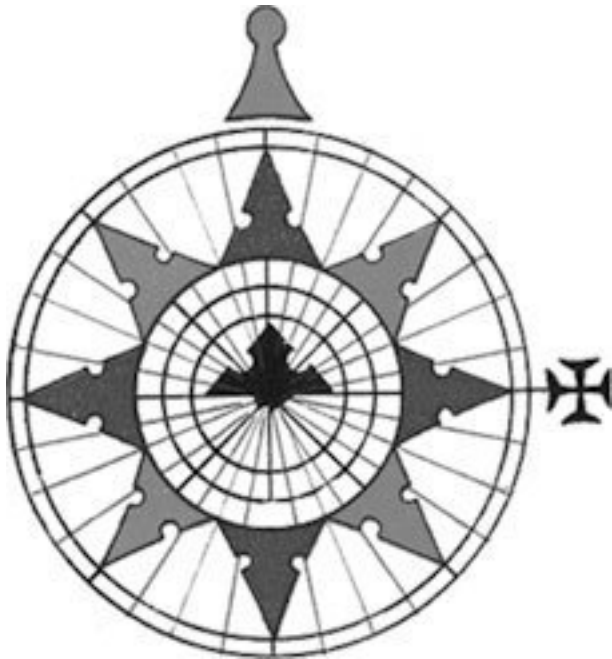
императоры укрепляли Великую Китайскую стену, стремясь отгородиться от внешнего мира. Океанские вояжи попали под запрет, все хроники были уничтожены. В 1500 году постройка корабля с числом мачт более двух приравнивалась к государственной измене, а 50 лет спустя преступлением считался выход в море на любом судне. Технология изготовления звездных плотов была утрачена, канула в Лету, как тело Чжэн Хэ кануло в воды Индийского океана. Образовался властный вакуум, ждущий заполнения. Когда в 1498 году берегов Индии достиг Васко да Гама, местные жители мало что могли рассказать о пришельцах с бородами необычной формы, однажды прибывших на сказочных судах. Чжэн Хэ оставил единственное достоверное свидетельство своих путешествий: мемориальную доску с текстом на китайском, тамильском и арабском во славу Будды, Шивы и Аллаха соответственно. «Хвала Всевышнему, наши морские миссии в чуждые пределы прошли успешно. Мы избежали несчастий, как больших, так и малых, и благополучно завершили свой поход». Эта доска, памятник религиозной терпимости, находится близ города Галле в крайней юго-западной точке Цейлона (Шри-Ланки), где китайский флот повернул к северу, чтобы пройти вдоль западного побережья Индии и выйти в Аравийское море.

Португальцы были совсем не столь щедры и великодушны. Маленькая флотилия да Гамы с командой всего в 150 человек могла бы целиком поместиться внутри единствен-

ной джонки Чжэн Хэ. Один из индийских раджей, увидев, до чего жалки дары, что привезли ему гости, отказался их принять. Впрочем, португальцы прибыли не затем, чтобы разводить церемонии. Об их намерениях ясно свидетельствовали красные кресты на парусах и бронзовые пушки на палубах. В отличие от китайцев они приехали, чтобы забрать, а не поделиться. И обратно не торопились. Покорение новых территорий было важнейшим национальным проектом. Год за годом они укрепляли свои позиции, и вскоре вытеснить их стало невозможно.

Памятную доску в Галле венчают два китайских дракона, символически соперничающие в борьбе за мировое господство, но именно португальские моряки из примитивной Европы впервые соединили океаны, положив начало мировой экономики. Их заслуги сильно недооценены. В этой долгой эпопее смешалась навигация, торговля, технологии, деньги, религия, политическая дипломатия и шпионаж, морские сражения, кораблекрушения, безумная отвага, суровые испытания и чудовищная жестокость. В течение 30 лет, о которых пойдет речь в этой книге, Португалия переживала беспримерный в истории подъем, когда португальцы, под предводительством дюжины выдающихся строителей империи, пытались получить контроль над всем Индийским океаном и мировой торговлей, где в ту пору властвовали мусульмане. Попутно они построили морскую державу мирового масштаба, начавшую эпоху европейских завоеваний. Эра Васко

да Гамы послужила отправной точкой для 500 лет западной экспансии и привела в действие силы глобализации, которые сегодня формируют мир.

Часть первая. Рекогносцировка: путь в Индию. 1483–1499

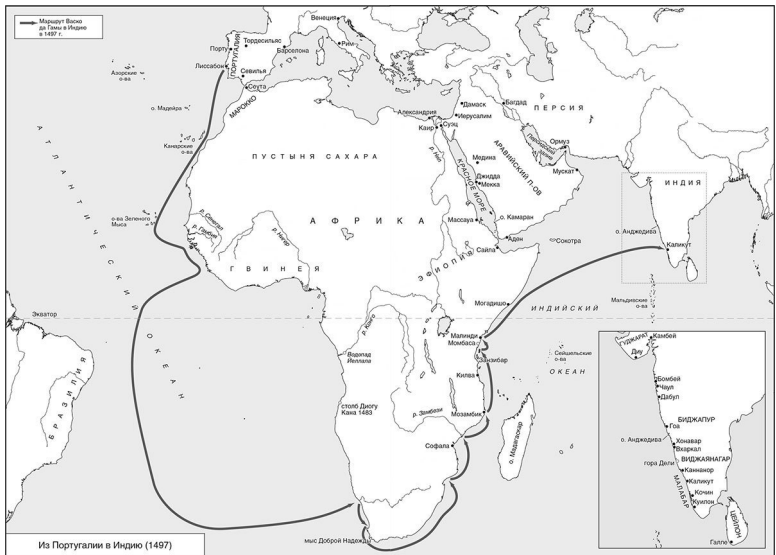
Глава 1. Индийский план. 1483–1486

13° 25′ 7″ ю. ш., 12° 32′ 0″ в. д.

В августе 1483 года группа обветренных, просоленных матросов устанавливала на берегу океана (ныне это Ангола) каменный столб высотой 5 с половиной футов, с железным крестом наверху. Под крестом имелось утолщение в форме куба, на гранях которого был выгравирован герб и надпись по-португальски: «В году 6681 от Сотворения мира и 1482 от Рождества Господа нашего Иисуса Христа его величество король Португалии Жуан II повелел Диогу Кану, дворянину, открыть сию землю и установить здесь сии кресты».

Памятный знак, точка на огромном Африканском континенте, обозначал самую дальнюю на тот момент границу проникновения европейцев к югу от Средиземного моря. Откровенное свидетельство жадности захватчиков, выражение их идеологии, менталитета и религиозных воззрений, а также вектор, указывающий, в каком направлении они намерены продвигаться – на юг вдоль западного побережья Африки, в поисках морского пути в Индию. Во время плавания Диогу Кан установил серию каменных столбов, изготовленных, вероятно, годом ранее, судя по расхождению в датах, в зеленых холмах Синтры близ Лиссабона и доставленных за 4 тысячи миль в мотающейся от качки каравелле. Это бы-

ло частью декларации о намерениях, подобно флагу США, который американские астронавты взяли с собой на космический корабль, чтобы вскоре воткнуть его в лунный грунт. Стоя у этого столба, Кан видел, что береговая линия искривляется к востоку. Возможно, ему казалось, что Африку они вот-вот обогнут и им откроется путь в Индию.

Этот столб обозначил крайнюю точку путешествия Диогу Кана на побережье Западной Африки. Его воздвигли на мысе Кейп-Кросс в Намибии в январе 1486 г. и перевезли в Берлин в 1893 г.

Как и в случае с космической миссией «Аполлона», этому моменту предшествовали десятилетия подготовки. После Сеуты принц Энрике, вошедший в историю как Генрих Мореплаватель, принялся снаряжать экспедиции на западное побережье Африки в поисках рабов, золота и специй. Год за годом, миля за милей португальские моряки все дальше продвигались вдоль гигантского юго-западного выступа на африканском побережье, осторожно прощупывая путь при помощи отвесов, дабы не наткнуться на рифы и не сесть на мель. В процессе они определяли очертания и узнавали характер континента: пустынное побережье Мавритании, джунгли на берегах региона, который они называли Гвинея – Земля чернокожих, великие реки Экваториальной Африки: Сенегал и Гамбия. Под покровительством Энрике вооруженный грабеж и обмен шли рука об руку с этнографическими исследованиями и составлением карт. Каждый мыс и залив, что попадались на пути, наносился на карту, получая название в честь одного из христианских святых, по характерной черте или текущему событию.

Размеры этих экспедиций были довольно скромны – они состояли из двух-трех судов под командованием вельможи

из дома Энрике, хотя навигацию и управление судами осуществляли опытные капитаны, имена которых история не сохранила. В команду каждого судна входили стрелки-арбалетчики, готовые при приближении к незнакомым берегам в любой момент открыть огонь. Сами корабли, каравеллы, были изобретением португальцев, возможно арабского происхождения. Треугольные паруса позволяли им с успехом лавировать против ветра, что особенно пригодилось у берегов Гвинеи, плоское дно было удобно для захода в устья рек. Эти суда годились для исследовательских задач, хотя при небольших размерах – едва ли 8 футов в длину и 20 в ширину – не представлялось возможным разместить довольно провизанта и снаряжения, чтобы совершать на них длительные путешествия. Португальцами двигали смешанные мотивы. Маленькая и бедная Португалия находилась на периферии европейской политики и претерпевала притеснения от могущественного соседа – Кастилии. После того как при Сеуте португальцам приоткрылся мир роскоши и богатства, Энрике и его последователи мечтали получить доступ к африканским ресурсам: золоту, рабам и пряностям.

У Энрике имелись географические карты, составленные на Майорке еврейскими картографами, где были изображены блестящие реки, ведущие в королевство легендарного мансы Мусы, «царя царей», который в начале XIV века правил империей Мали и владел сказочно богатыми золотыми приисками на реке Сенегал. Судя по картам, некоторые реки

пересекали целый континент и соединялись в Ниле – факт, питающий надежду, что по Африке можно перемещаться посредством внутренних водных путей.

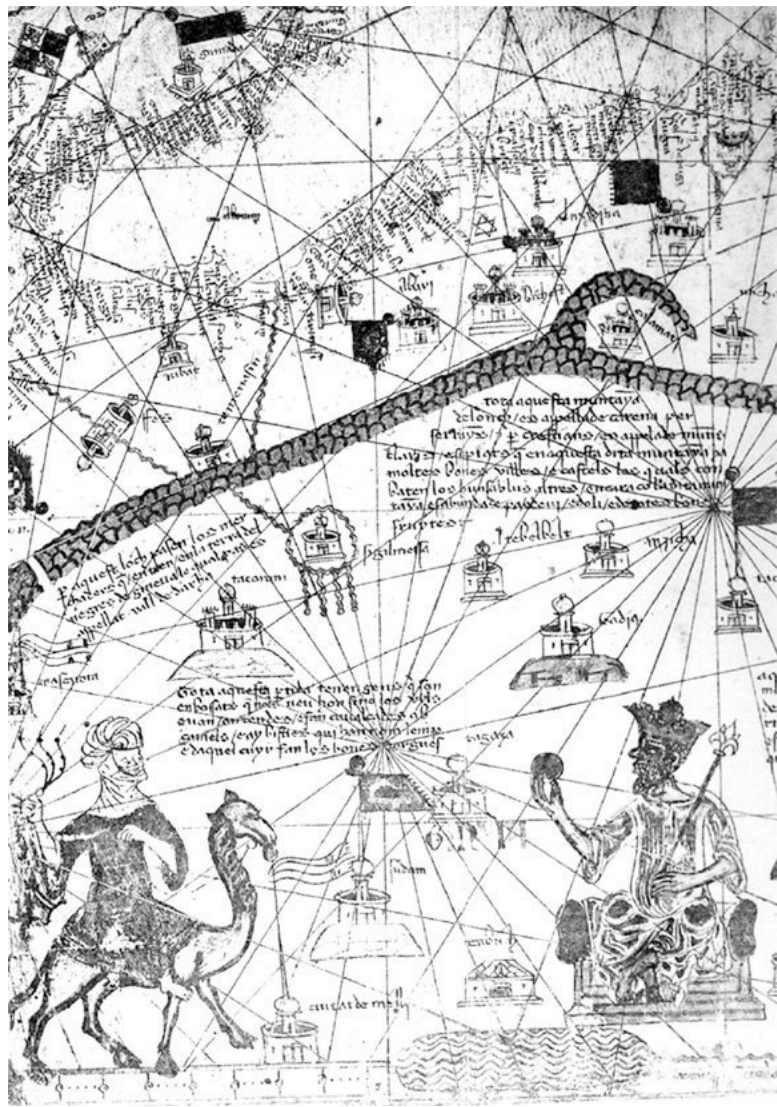
Королевский дом обратился к папе, представив свои будущие кампании как крестовые походы – продолжение борьбы против ислама. Португальцы изгнали арабов из своей страны гораздо раньше, чем их соседи – кастильцы. Португалия превратилась в государство с сильной национальной идентичностью, но аппетит к священной войне не утратила. В качестве воинов Христовых Ависский королевский дом рассчитывал повысить свой статус на европейской сцене, желая паритета с прочими европейскими монархами. На фоне охватившей Европу антиисламской фобии, подстегнутой вестью о падении Константинополя в 1453 году, португальцы получили от папы духовное благословение, финансовую поддержку и территориальные права на все земли, которыми именем Христа смогут овладеть. Папская грамота предписывала «захватывать, преследовать, брать в плен, покорять и подчинять всех сарацин, язычников и прочих врагов Христа... коих надлежит навечно обратить в рабство». К действию призывала и жажда свершений. Энрике и его братья, англичане по матери (их матерью была Филиппа Ланкастерская – внучка английского короля Эдуарда III, а кузеном Генрих V, одержавший победу в битве при Азенкуре), воспитывались в атмосфере рыцарской отваги, пронизывающей королевский двор, средневековых рыцарских романов и с детства мечтали подра-

жать своим легендарным англо-норманнским предкам. Лихорадка крестоносцев быстро распространилась среди португальского дворянства – фидальго, с их болезненной гордостью, безрассудной отвагой, жаждой славы и собственным кодексом чести, согласно которому *fidalgos*, то есть в буквальном переводе «люди благородные», жили, сражались и умирали и который пронесли с собой через все странствия.

В африканском проекте слышались отзвуки древней мечты о воинствующем христианстве, о победе над мусульманами, преграждающими путь в Иерусалим и к богатствам Востока. До наших дней дошли карты с изображением царственной фигуры в красном плаще с епископской митрой на голове, сидящей на золотом троне. Это легендарный христианский государь пресвитер Иоанн. Миф о пресвитере Иоанне возник в раннем Средневековье. В нем воплотилась вера в существование могущественного христианского монарха где-то по ту сторону исламского мира, с которым западное христианство могло бы объединиться для победы над неверными. В основу этой легенды легли рассказы путешественников и литературные подделки – вроде знаменитого письма XII века, якобы от самого пресвитера императору Византии с предложением помощи – и смутные догадки о существовании христианских общин вне Европы: несторианцев в Центральной Азии, последователей святого Фомы в Индии и древнего христианского царства в нагорьях Эфиопии. Рассказывали, что пресвитер Иоанн командует многочисленны-

ми армиями и сказочно богат: по словам одного средневекового автора, «могущество его и состояние в золоте, серебре и драгоценных камнях не имеют себе равных». Подданные его живут в домах из золота, а воины носят позолоченное оружие. К началу XV века фигура пресвитера нашла воплощение в реально существующих королях Эфиопии, а карты показывали, что добраться до его сказочного царства можно по рекам через сердце Африки. Более столетия блистательный мираж владел воображением португальцев. Карты, байки путешественников, смутные образы великих рек, пересекающих Африку, слухи о поразительных запасах золота, о могучих христианских правителях, чья поддержка поможет разрушить мусульманский мир: смесь полуправды, вымыслов и ложных географических данных щедро расцвечивала для португальцев картину мира и прибавляла упорства морякам, спускавшимся вдоль побережья Африки в поисках золотоносных рек, что ведут в царство пресвитера Иоанна. Каждый новый пролив, каждое речное устье рождали надежду, но путь был нелегок. Коварные бурные приливы затрудняли высадку на берег, местное население часто оказывало враждебный прием. Их ждали обширные лагуны и извилистые мангровые заросли в устьях рек, густые туманы, мертвый штиль и шквальные штормы в зоне экватора, жестокая тропическая лихорадка. В Гвинейском заливе разнонаправленные ветры и сильное течение с востока на запад заставляли надолго задержаться на берегу. Мало-помалу португаль-

цы начинали понимать, что продвигаются к южной оконечности Африки и что путь к сокровищам Индии пролегает скорее через океан, чем по рекам. Однако форма и размер самого континента, в пятьдесят раз превышающий размеры Иберийского полуострова, оставались для мореплавателей загадкой в течение без малого 80 лет.

Фрагмент из каталонского атласа 1375 года, изданного на Майорке. Здесь изображен манса Муса с золотым слитком. К северу обозначена мифическая Золотая река, побережье Северной Африки и юг Испании

Идея об освобождении Европы из мусульманских тисков возникла равно по экономическим и идеологическим причинам. Португальцев чрезвычайно привлекала возможность вести прямую торговлю с народами Центральной Африки и получить прямой доступ к африканскому золоту и пряностям – золотой самородок в руке султана Мали потрясал их воображение. Кроме того, их не оставляла надежда соединиться с пресвитером Иоанном и его мифической армией, чтобы атаковать мусульман с тыла. После смерти Энрике экспедиции в Африку на некоторое время прекратились, но затем, в 1470-х, продолжились под командованием внучатого племянника Энрике принца Жуана. Африканский проект получил новую жизнь, когда Жуан в 1481 году стал королем. Черная борода, удлинненное лицо с налетом меланхолии, вид «такой величавый и властный, что всякий признает в нем короля» – так описывали Жуана современники. Он «повелевал, не подчиняясь никому».

Жуан II, прозванный португальцами Совершенный принц, являлся, вероятно, одним из самых заметных европейских монархов своего времени. Изабелла, королева враждебной Португалии Кастилии и затем объединенной Испа-

нии, безмерно восхищалась Жуаном, говоря, что это «выдающийся муж и государь». Жуан поистине радел о делах государственных, и прежде всего его занимало исследование Африки: после его вступления на престол, в течение пяти лет было снаряжено несколько экспедиций. Жуан преследовал две главные цели: найти морской путь в Индию и добраться до легендарного царства пресвитера Иоанна. Выполнение этих целей он поручил Диогу Кану, команда которого и устанавливала кресты вдоль западного побережья Африки.

Однако в Лиссабоне, ставшем к началу 1480-х годов городом-лабораторией, где циркулировали и проверялись на достоверность идеи мирового устройства, были и другие предположения насчет возможного пути в Индию. Астрономы, ученые, картографы и торговцы со всей Европы устремлялись в Португалию за последними сведениями о форме Африки. Еврейских математиков, купцов из Генуи и картографов из немецких земель влекли шумные узкие улочки Лиссабона и бескрайние океанские просторы, открывающиеся за устьем реки Тахо (или Тежу), где швартовались португальские каравеллы, груженные черными невольниками, яркими попугаями, пряностями и самодельными картами. Благодаря интересу Жуана к мореплаванию из лучших научных сил был создан специальный ученый совет, куда входили, например, Хосе Визинхо, ученик великого еврейского астронома и математика Авраама Закуто, и будущий создатель старейшего из сохранившихся до наших дней глобусов немец Мартин

Бехайм. Оба они принимали участие в экспедициях, проводя наблюдения за солнцем.

Жуан II: Совершенный принц

Летом 1483 года, пока Кан пропадал где-то у берегов Африки, генуэзский искатель приключений Кристофоро Колombo, известный в Испании как Кристобаль Колон, он же Христофор Колумб, явился к королю в Лиссабоне с предложением поискать путь в Индию в противоположной стороне. К тому времени Жуан уже успел познакомиться с данной стратегией. Десятью годами ранее он получил письмо от знаменитого флорентийского математика и космографа Пало Тосканелли. Тосканелли предлагал «маршрут в Индию, богатую пряностями, – маршрут более короткий, чем через Гвинею». Он утверждал, что, поскольку земля имеет форму шара, добраться до Индии можно, плывя либо на восток, либо на запад, причем второй маршрут выйдет короче. Если исключить барьер из неведомых тогда европейцам Америк, в своих расчетах Тосканелли допустил фундаментальную ошибку: он недооценил длину земной окружности. Но письмо и приложенная карта имели огромное значение для последующих событий, как на Иберийском полуострове, так и в мире в целом. Зная о письме Тосканелли либо имея его копию, Колумб смело обратился к королю Жуану за финансовой поддержкой для своей экспедиции. Король, человек широких взглядов, отправил его дерзкое предложение специалистам в ученый совет и стал ждать возвращения Диогу Кана.

Кан вернулся в Лиссабон в начале апреля следующего, 1484 года и доложил, что побережье Африки резко искрив-

ляется к востоку. Подробно расспросив своего исследователя о результатах экспедиции, король остался весьма доволен. В благодарность он назначил Диогу Кану большое годовое содержание и даровал ему дворянский титул с правом иметь собственный герб. Для герба Кан выбрал изображение двух столбов, увенчанных крестами. Он верил, что до Индии рукой подать и еще одна экспедиция решит дело.

Вести из Африки положили конец надеждам Колумба. Ученый совет при короле признал выводы генуэзских математиков ложными и постановил, что Колумб повторяет ошибку Тосканелли относительно размеров земного шара: оценивая расстояние до Индии, итальянец уменьшил их на четверть. Колумба сочли наглецом, а его финансовые притязания нелепыми. «Слыша, как невоздержанно и самоуверенно этот Кристофоро Коломбо расхваливает свои таланты, слыша его сомнительные суждения [о расположении японских островов], король не поверил ему, – писал португальский историк Жуан де Баррош. – Разочарованный, тот покинул короля и отправился в Испанию, где продолжал добиваться своего». В Испании Колумб представил план экспедиции Изабелле и Фердинанду в расчете получить поддержку от конкурирующего с португальцами королевского дома.

А Жуан тем временем не сомневался в успехе. В мае или июне 1485 года Диогу Кан в сопровождении Мартина Бехайма отправился в экспедицию, с новым грузом столбов, дабы воздвигнуть их на побережье Африки. Несколько ме-

сяцев спустя король Португалии провозгласил, что его моряки близки к завершающему прорыву. В ноябре его глашатай Васко Фернандес де Лусена составил для короля послание о подчинении новому папе Иннокентию VIII в выражениях националистического и религиозного экстаза. Касательно пресвитера Иоанна он писал: «Мы вправе надеяться на скорый выход в Арабское море, где есть царства и нации, о которых мы пока имеем лишь смутное представление, но которые, подобно нам, с великой ревностностью исповедуют святую веру Спасителя нашего. И если расчеты ученых из наших географов верны, то португальским кораблям осталось всего несколько дней пути. Исследовав большую часть побережья Африки на расстоянии более 4500 миль от Лиссабона, разведав характер моря и суши в тех местах, реки, впадающие в океан, изучив движение небесных светил, год назад наши моряки приблизились наконец к ее оконечности, за которой лежит Арабское море. И этот богатейший край, гордость христианской веры, обретет в конце концов пастыря своего, в лице святейшего папы». Далее Лусена цитирует псалом 72 (71): «Он будет владычествовать от моря и до моря и от реки Евфрата до концов земли». Однако, судя по размаху королевских планов, название реки следовало бы заменить на Тежу.

Впрочем, когда это послание оглашали у папы, король был уже в курсе, что надежды его не оправдались. Находясь за тысячи миль от Португалии, Кан обнаружил, что побережье

Африки, ведущее его в восточном направлении, снова уходит к югу и конца ему не видно. В ту осень, вновь проделав 160 миль на юг, Кан установил очередной столб. Тропики постепенно сменились полупустыней – вместо джунглей потянулись низкие песчаные холмы со скудной растительностью. Терпение закончилось в январе 1486 года, когда экспедиция достигла мыса, названного Кейп-Кросс (современная Намибия). На черных скалах, где нежались тюлени, был воздвигнут последний столб. Казалось, что Африка безгранична. Судьба Кана с этого момента теряется в бездне истории. Либо он умер на обратном пути в Лиссабон, либо король Жуан, разгневанный и обескураженный провалом публично превозносимой им миссии, вверг его в немилость и бесславие. Как бы там ни было, благодаря Кану на карте Африки появились еще 1450 миль западного побережья. А португальцы без устали и страха продолжали вояжи в неизведанное, проворно шныряли по бурным волнам на своих каравеллах и исследовали великие реки Западной Африки в поисках сказочного царства пресвитера Иоанна или выхода в Нил. Многим эти авантюры стоили жизни. Кораблекрушения, малярия, ядовитые стрелы, безумие – смельчаки погибали, оставляя на память о себе столбы или другие отметки. Нет более пронзительного из таких свидетельств, чем надписи, выбитые моряками в скалах на водопаде Йеллала, что на реке Конго.

Надписи на скалах водопада Йеллала

Сначала сотню миль португальцы шли под парусом или на веслах, пробираясь через мангровые топи среди густо поросших лесом берегов. Течение постепенно набирало силу, и наконец их глазам предстала гигантская каменная стена, откуда с грохотом падали потоки воды, низвергаясь в скалистую пропасть из самого сердца Африки. Плыть дальше было невозможно. Они вынуждены были покинуть свои корабли и 10 миль карабкались по скалам в напрасной надежде найти коридор, пригодный для навигации. Поняв, что все усилия бесполезны, они решили оставить хоть что-то в память о себе. Высоко над пропастью, на самой круче, они вы-

били герб короля Жуана, крест и надпись: «Сюда добрались корабли великого монарха Дона Жуана Второго Португальского. Диогу Кан, Педру Анеш, Педру да Коста, Альвару Пирриш, Перу Эшколар А...» Внизу справа рукой другого человека: «Жуан де Сантьягу, Диогу Пинейру, Гонсалу Альвареш, по болезни Жуана Альвареша...», и еще ниже одно имя: «Антан».

Обстоятельства, при которых появились эти надписи, обрывающиеся, точно последняя строчка в дневнике полярного исследователя, хотя и неясны, но, несомненно, трагичны. Вначале идут имена капитанов и штурманов – Диогу Кана и еще нескольких, – которые в тот момент находились за сотню миль. Наверное, Кан выслал людей разведать навигационные условия на реке Конго – они-то и расписались на скале. Оба списка обрываются почти одновременно. Можно предположить, что моряки были больны – вероятно, малярией, – слабы и не имели сил завершить начатое. Их могли спугнуть или атаковать, пока они ползали по скалам. Дата отсутствует, как и другие свидетельства этих событий, пребывавших под покровом тайны до 1911 года, пока здесь вновь не появились европейцы и не разглядели надписи на камне.

Португальцы нелегко расставались с верой в существование речного или пешего пути через Африку, позаимствованной из расписанных золотом трудов древних географов и картографов. Убежденность, что все великие реки Африки вытекают из Нила, что до царства пресвитера Иоанна уже

рукой подать — и это на континенте, размеры которого они рассчитали неверно, — довлекла над португальцами еще не одно десятилетие и стоила им многих напрасных трудов. Король Жуан снаряжал многочисленные миссии за информацией, золотом и ради престижа, в том числе и на реку Конго. Одна из флотилий проделала 500 миль вверх по Сенегалу, но вынуждена была повернуть обратно близ водопада Фелу. Когда следующая экспедиция, исследовавшая Гамбию, встретила на пути непреодолимое препятствие в виде водопада Барракунда, Жуан направил туда инженеров, чтобы те взорвали речное дно, однако задача оказалась им не по силам. Одновременно в Африку отправлялись и пешие экспедиции. Небольшие группы, перейдя Мавританскую пустыню, посещали города Вадан и Тимбукту в землях народа малинке, где правил султан, известный как манса Манди. Кое-кто возвращался с рассказами об империи Мали, центре торговли Западной Африки, иные пропадали бесследно.

Жуана не смущали ни водопады на реках Гамбия и Конго, ни вечные штормы у побережья Африки, ни туманное местоположение загадочного христианского монарха. С поразительным размахом, последовательностью и упорством он продолжал свои исследования. В 1486 году, пока ученые географы в Лиссабоне корпели над уточнением карты мира, а Колумб доказывал испанским монархам, насколько выгоден его западный маршрут в Индию, Жуан снаряжал все новые миссии. В том же году литературный португальский попол-

нился новым существительным – descobrimento, что значит «открытие».

Глава 2. Гонка. 1486–1495

Среди сокровищ замка Святого Георгия в Лиссабоне, что стоит на высоком холме над рекой Тежу, хранилась роскошная карта мира. 30 лет назад эту карту изготовил монах-картограф из Венеции по заказу отца короля Жуана, Альфонсо, который просил представить на ней все последние на тот момент географические открытия.

Это было настоящее произведение искусства: очень подробная и красивая карта, блистающая золотом, морской синевой, с четкими изображениями городов-крепостей. Она напоминала огромный округлый щит 10 футов в диаметре и была по арабской традиции ориентирована на юг. От прочих современных карт эта карта отличалась тем, что Африка на ней впервые предстала в виде обособленного континента и имела южную оконечность, которую картограф Фра Мауро назвал мыс Диаб. И хотя на более поздних картах очертания Африки были сильно откорректированы – благодаря открытиям португальцев, в своей работе Мауро также попытался опираться на принципы объективности и доказательности. В Венецию, имевшую обширные торговые контакты с Востоком, купцы и путешественники привозили более-менее достоверные данные относительно земель, лежащих вне Европы.

Карта содержит многочисленные текстовые комментарии

синими и красными чернилами, составленные со слов очевидцев, таких как Марко Поло и странствующий купец Никколо де Конти, а также «сведений о новых открытиях, подтвержденных либо ожидаемых португальцами». «Многие считают и многие пишут, что умеренные области земли, где мы проживаем, не окружены с юга морем, но есть и много других свидетельств, – замечает Фра Мауро, – особенно от португальских моряков, которые, по велению своего короля, часто совершают далекие плавания и не раз самолично убеждались в противном».

Специальное внимание уделено островам, где производят пряности, и портам Индийского океана, представлявшим для португальцев особый интерес. Здесь Мауро оспаривает одну из истин птолемеевой географии, утверждающую, что Индийский океан – это внутреннее море. Он пишет, что в Индию можно добраться по океану, и в качестве доказательства приводит отчет античного географа Страбона о таком путешествии, а также рассказ – вероятно, от Конти – о китайской джонке, которая обогнула Африку с юга.

Карта Фра Мауро облекла в визуальную форму амбиции португальцев, а равно подчеркнула, сколь скудны в этом плане познания на Западе. Никогда прежде мир не ведал подобного разделения. Римская империя имела куда больше связей с Востоком, чем Европа в Средние века. Марко Поло прошел и проехал с караваном по Великому шелковому пути, находящемуся под контролем монголов, и вернулся че-

рез Индийский океан на китайской джонке. Записки о его странствиях вызвали огромный интерес, поскольку к XV веку все прямые контакты с Востоком были утрачены. С падением империи монголов караванные пути пришли в упадок. Китайская династия Мин, наследовавшая монголам, после нескольких удивительных экспедиций на звездных плотах ввела политику ксенофобии и самоизоляции. Свои представления о географии европейцы в основном черпали из сведений двухсотлетней давности. С юга Европу блокировали мусульмане. Османская империя преграждала европейцам путь в Азию, а династия мамлюков в Каире, контролирующая все подступы к сокровищам Востока, вела торговлю через Александрию и Дамаск, устанавливая монопольные цены. Об источниках пряностей, шелков и жемчуга, который арабы продавали венецианцам и генуэзцам, можно было только догадываться.

Охладев к своему фавориту, король Жуан все-таки не отказался от попыток отыскать христианское государство в чуждых пределах и морской путь в Индию. Более того, размах поисков значительно расширился. Король не упускал ни единой возможности, способной потенциально приблизить его к цели.

По его приказу два монаха отправились через Средиземное море с миссией собрать на Востоке информацию о пресвитере Иоанне. Что касается предложения Колумба насчет западного пути в Индию, то Жуан решил, что это тоже шанс.

Он призвал фламандского авантюриста по имени Фернао де Ульмо, дал ему две каравеллы и поручил плыть в западном направлении 40 дней, причем снарядить экспедицию де Ульмо обязался на собственные средства. За это король даровал ему все земли, которые удастся обнаружить, с выплатой 10 процентов годовых в королевскую казну. Так Жуан хитроумно сбросил в частные руки предприятие сомнительной, судя по всему, выгоды, упускать которую, в случае чего, ему не хотелось. Однако обе его инициативы завершились ничем. Ульмо не смог собрать достаточно средств, а монахи не пробились далее Иерусалима, потому что не говорили по-арабски.

Тогда король призвал верных ему и талантливых мореходов и путешественников, отобранных по способностям, а не социальному положению, дабы предпринять еще одну, последнюю попытку. В 1486 году развернулась подготовка кампании, которая должна была продлиться в три раза дольше обычного. На этот раз король хотел совместить выполнение обеих задач. Он решил, что одна экспедиция продолжит маршрут Диогу Кана и попытается обогнуть Африку. В команду войдут уроженцы Африки, которые по пути высадутся на берег и отправятся вглубь континента в поисках христианских государств либо информации о них. Неудачу предыдущей сухопутной миссии компенсирует вторая миссия из арабоязычных посланников. Эти проникнут вглубь Индии и разузнают о пряностях, христианских монархах и возмож-

ности морского маршрута в Индийский океан.

В октябре 1486 года, вскоре после возвращения Кана – либо его кораблей, Жуан назначил одного из своих вельмож, Бартоломеу Диаша, командующим экспедицией, которая должна была отправиться на юг вдоль африканского побережья. Примерно в то же время и вторая – наземная – экспедиция тронулась в путь. Возглавлял ее Перу да Ковильян – сорокалетний путешественник, мореплаватель и шпион. Он не мог похвастаться происхождением, но обладал многочисленными талантами: в совершенстве знал арабский и кастильский языки, отлично дрался на мечах. Верный слуга короля, он долго прожил в Испании под прикрытием, выполняя секретные поручения, а также вел тайные переговоры в Марокко. Именно Ковильяну и еще одному отважному португальцу, говорящему по-арабски, Афонсу де Пайве, король доверил выполнение этой сложной операции.

Весной 1487 года, пока Диаш готовил корабли, Ковильян и Пайва проходили инструктаж у епископа Танжерийского и двух еврейских математиков, членов ученого совета, отказавшего Колумбу. Путешественники получили навигационную карту Ближнего Востока и Индийского океана с новейшими данными, доступными в Европе, – скорее всего, позаимствованными из работы Фра Мауро. 7 мая состоялась последняя тайная аудиенция в Сантарене под Лиссабоном, где король передал Ковильяну и Пайве верительные письма, которые надлежало вручить в Александрии. Среди присут-

ствующих на аудиенции был восемнадцатилетний родственник короля дон Мануэл, герцог Бежу, для которого эта экспедиция будет впоследствии иметь особое значение.

Путешествие началось в Барселоне. Летом миссионеры добрались до христианского острова Родос, где пересели на другое судно, идущее в Александрию, ворота исламского мира. Но прежде раздобыли груз меда, дабы сойти за торговцев.

А в Лиссабоне Диаш был занят последними приготовлениями. Король дал ему две каравеллы и – поскольку плавание должно было занять длительное время – грузовой корабль для размещения дополнительного провианта, ибо «скудное питание или отсутствие оно на обратном пути ослабляет команду».

По примеру Кана эта экспедиция также везла каменные столбы, чтобы отмечать свое продвижение. Сам Диаш был очень опытный моряк, с ним ехали самые лучшие штурманы, и среди них Перу ди Аленкер, которому было суждено сыграть ключевую роль в Индийских кампаниях. Аленкера высоко ценил король Жуан, говоря, что «его опыт и мастерство достойны восхищения, уважения и щедрых наград». Штурманом грузового корабля был Жуан де Сантьягу, чье имя было высечено на скале при водопаде Йеллала и который помнил местонахождение последнего столба.

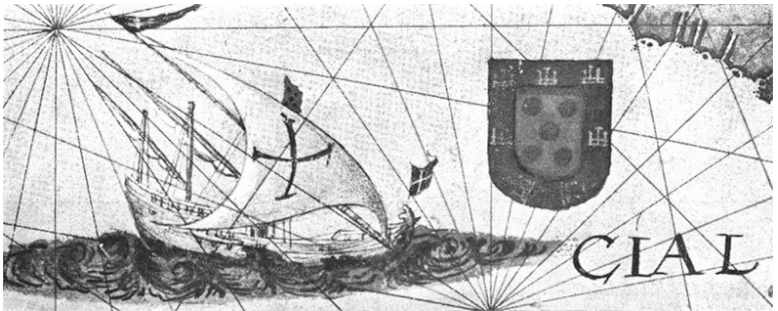
Небольшая флотилия отплыла из устья Тежу в конце июля 1487 года. Это была одна из самых значимых, но и самых загадочных экспедиций в истории мореплавания. Современ-

ные источники почти не упоминают о ней — лишь вскользь, в виде примечаний на картах и в книгах, — точно хроникеры отвернулись и смотрели в другую сторону. Понадобилось 60 лет, чтобы подробности, маршрут и результаты экспедиции были наконец описаны одним из историков шестнадцатого века, по имени Жуан де Баррош. Изначальный план был утерян, но, зная ход экспедиции, де Баррош восстановил его содержание. Сначала путь, как обычно, лежал на юг, по маршруту Диогу Кана, мимо воздвигнутых им столбов. Далее часть команды высадилась на берег и отправилась вглубь континента — по суше или по рекам — на поиски царства пресвитера Иоанна. Эта операция, совместно с Пайвой и Ковильяном, составляла твердую и последовательную стратегию для решения загадки Азии. Диаша сопровождали шесть африканцев — двое мужчин и четыре женщины, которые были во время оно похищены Каном и обучены португальскому. Их надлежало высадить на берег, в хорошей одежде, с золотом и серебром, и отправить к туземцам, дабы они разнесли по округе весть о богатстве и щедрости португальского короля, чьи суда находятся на побережье, поскольку он ищет пути в Индию и особенно правителя по имени пресвитер Иоанн. Женщин взяли потому, что они имели меньше шансов погибнуть в племенных стычках.

Тем временем Ковильян и Пайва, добравшись до Александрии, подхватили лихорадку и находились при смерти. А Диаш миновал последний столб, установленный его предше-

ственником, и продолжал двигаться к югу. Каждый мыс и бухта на его пути получали название в честь святого, благодаря чему можно датировать продвижение экспедиции: залив Святой Марфы (8 декабря), Святого Фомы (21 декабря), Святой Виктории (23 декабря). К Рождеству они достигли бухты, названной залив Святого Христофора. Уже четыре месяца продолжалось плавание. Юго-западные ветры и встречное прибрежное течение заставляли часто менять курс. Несколько раз на берег высаживали несчастных посланников, один из которых успел по пути умереть. Остальные так и пропали без вести – по крайней мере, более о них нигде не упоминается. В какой-то момент было решено оставить грузовой корабль с командой из девяти человек на берегах Намибии и двигаться дальше налегке. В течение еще нескольких дней две каравеллы тащились мимо пустынных холмов, а затем штурманы приняли неожиданное решение. Находясь около 29° ю. д., они прекратили изматывающую борьбу с прибрежными ветрами и течениями и развернули корабли на запад, в открытый океан, с намерением позже взять курс на восток. Трудно сказать, как это произошло. Возможно, это был запланированный маневр или момент просветления, интуитивный ход, подсказанный опытом предыдущих экспедиций, которые сталкивались с похожей проблемой, находясь, правда, к северу от экватора. Иногда им приходилось отплывать на запад, в Центральную Атлантику, чтобы оттуда западные ветры отнесли их на восток, об-

ратно в Португалию. Может быть, Диаш с товарищами надеялись, что подобное явление существует и в Южной Атлантике. Так или иначе, момент был исторический.

Каравелла: идеальна для разведки, но маловместительна для длительных плаваний

За тринадцать дней, на полуспущенных парусах, каравеллы проделали почти тысячу миль в неизвестность. Антарктические широты встретили их холодом. Несколько человек умерли, но на 38° ю. ш. решение сменить курс начало себя оправдывать. Ветры стали переменными. Португальцы развернули корабли на восток в надежде, что вскоре достигнут африканского побережья, которое, как они полагали, все еще тянется с севера на юг. Прошло семь дней, но Африка так и не появилась. Тогда решено было взять курс на север. В конце января на горизонте возникли горные вершины, а 3 февраля 1488 года португальцы пристали к берегу в бухте,

получившей название Пастушья. Проведя в открытом море около четырех недель, они сделали огромный крюк, миновав мыс Доброй Надежды и мыс Агульяс (Игольный мыс) – самую южную точку Африки, где встречаются Атлантический и Индийский океан.

Высадка проходила негладко. На берегу прибывшие увидели стада коров, которых пасли люди, «густоволосые и лохматые, как гвинейцы». Но пообщаться с пастухами не удалось. Штурман Перу ди Аленкер, который девять лет спустя вновь посетил Пастушью бухту, вспоминал, как было дело. Когда португальцы высадились и положили на берег дары, туземцы испугались и убежали. Потом моряки пошли к протекавшему неподалеку ручью, чтобы набрать воды, и с холма в них полетели камни. Диаш убил одного туземца из арбалета, после чего португальцы снова погрузились на корабли и проплыли еще две сотни миль вдоль берега, теперь следуя на северо-восток. Сомнений не оставалось – они обогнули Африку. Вода становилась теплее. 12 марта моряки пристали в очередной бухте и установили последний столб. Запасы заканчивались, команда была истощена и обессилена. Люди роптали, говоря, что нужно возвращаться к судну с провизией. Однако из-за огромной дистанции, отделявшей их теперь от судна, обратный путь вызывал опасения: доберутся ли они живыми? Диаш хотел плыть дальше, но по правилам столь важное решение полагалось согласовать на совете офицеров. Они следовали прежним курсом еще три дня, до ре-

ки, которую называли рио Инфанте, и там повернули обратно. Диаш, страшно разочарованный, был вынужден подчиниться общему решению. 60 лет спустя историк Жуан де Баррош предложил ретроспективное описание внутреннего состояния капитана: «Покидая столб, который он установил там, Диаш испытывал глубокую скорбь, будто прощался с сыном, обреченным на вечное изгнание. Он вспоминал об опасностях, с которыми пришлось столкнуться по пути сюда, о расстоянии, которое они преодолели, и о том, что главной награды Господь так и не даровал ему». «Он видел землю Индии, – писал другой хроникер, – но не мог войти туда, как Моисей в Землю обетованную».

А тем временем в Лиссабоне король Жуан ожидал вестей от Диаша или Ковильяна и прикидывал свои шансы в свете растущей между Испанией и Португалией конкуренции. Придя к выводу, что исключить существование западного маршрута в Индию нельзя, 20 марта он издал указ, разрешающий Колумбу свободный въезд и нахождение в Лиссабоне – где ранее тот подлежал аресту за долги. Кавильян и Пайва как по волшебству избавились от лихорадки. Сев в лодку, они спустились по Нилу из Александрии в Каир, затем с караваном пересекли пустыню и морем добрались до Адена. Там они расстались: Пайва направился в Эфиопию, полагая, что это и есть царство пресвитера Иоанна, а Ковильян – в Индию.

В это время Диаш следовал вдоль африканского побе-

режья к востоку, и вскоре глазам его предстал мыс Доброй Надежды. Это было историческое открытие, опровергающее догмы птолемеевой географии: Африка, как выяснилось, окружена морем. Баррош указывает, что сначала этот мыс носил название Штормовой, но затем король Жуан переименовал его, поскольку за ним открывался путь в вожделенную Индию, найти который было так нелегко.

Команда грузового судна просидела на пустынных берегах Намибии девять месяцев, уныло ожидая возвращения каравелл и не зная, вернутся ли они. К возвращению Диаша 24 июля 1488 года из девяти человек осталось только трое – остальные погибли от рук туземцев в схватке за товары, привезенные для обмена. Вероятно, среди них был и брат Бартоломеу, Перу. Один из уцелевших, Фернау Колаку, больной и слабый корабельный клерк, умер, завидев возвращающиеся каравеллы. Говорили, что от радости.

Грузовой корабль был источен червем. Забрав припасы, моряки сожгли его на берегу и взяли курс домой. В декабре 1488 года их потрепанные каравеллы вошли в устье реки Тежу. За шестнадцать месяцев плавания Диаш открыл 1260 новых миль побережья и впервые обогнул Африку. О его возвращении мы знаем лишь благодаря заметке на полях в одной из книг Христофора Колумба, который в то время находился в Лиссабоне и, очевидно, был свидетелем отчета Диаша перед королем: «Стоит заметить, что в декабре этого года, 1488, в Лиссабон на трех каравеллах прибыл Бартоломеу

Дидакус (Диаш), которого король отправлял в Гвинею на поиски неведомой земли. Говорит, что проделал еще 600 лиг за последней отметкой, т. е. 450 лиг к югу и затем 150 лиг на север, к мысу, который он назвал мыс Доброй Надежды. Судя по всему, этот мыс находится в Агисимбе, на долготе 45° , в 3100 лигах от Лиссабона. Свое путешествие он подробно обрисовал и изобразил на таблице, лига за лигой, с тем чтобы затем представить королю. Я присутствовал оба раза».

Широта, упоминаемая Колумбом, вызвала жаркие споры среди историков, однако не приходится сомневаться, что он присутствовал при разговоре, благодаря которому вскоре преобразятся все географические карты. Диаш совершил два важнейших открытия: он доказал, что существует морской путь в Индию в обход Африки, и исследовал режим ветров в Южном полушарии, открыв наилучший способ обогнуть континент. Как выяснилось, чем тащиться вдоль побережья, лучше сделать крюк в западном направлении, а там западные ветры подхватят корабль и перенесут его мимо южной оконечности Африки прямо в Индийский океан. Это открытие явилось венцом исследований, продолжавшихся 60 лет. Неясно только, удалось ли Диашу донести эту мысль до короля, который стал теперь очень недоверчив и скуп на почести и публичные похвалы, ожидая, вероятно, более веских доказательств. Год спустя король произнес речь, практически повторяя сказанное ранее на папском приеме: «...каждый день мы стремимся в эти пределы... а также в пески Ни-

ла, которые приведут нас к Индийскому океану, к несметным сокровищам в Варварском заливе (Sinus Barbaricus)». Минуло еще девять лет, прежде чем открытия Диаша были оценены по достоинству. Колумб же, ощутив, что королю он более не интересен, вернулся в Испанию.

А Ковильян продолжал свое путешествие. Осенью того года на торговом судне он пересек Индийский океан и оказался в Каликуте (Кожикод) – отправном пункте для торговцев пряностями и перевальном для тех, кто держал путь далее. К началу 1488 года Ковильян, вероятно, достиг Гоа, потом переправился в Ормуз – еще один ключевой порт на побережье Индийского океана. В пути Ковильян собирал и тайно записывал информацию о торговых маршрутах, ветрах, течениях, портах, политике местных правителей. Крайним пунктом его путешествия стал город Софала, расположенный далеко на юге на острове Мадагаскар, где заканчивалась арабская навигация. В Каир он вернулся в 1490 или начале 1491 года и узнал, что Пайва умер, так и не добравшись до Эфиопии. Странствия Ковильяна продолжались без малого четыре года. А между тем их уже разыскивали. На поиски Жуан отправил двух евреев – раввина и сапожника, – которые смогли узнать Ковильяна, столкнувшись с ним на улице в Каире, и передали ему письма короля. Король велел, не побывав у «великого государя пресвитера Иоанна», в Лиссабон не возвращаться. Ковильян написал королю длинное послание и отправил его с сапожником. Он писал о торговле, о

навигации в Индийском океане и что «его каравеллы, которые часто навещают Гвинею, ища пути на остров Мадагаскар и Софалу, могут легко достичь восточных морей с городом Каликут, потому что везде там вода».

Ковильян, за годы странствий приобретший вкус к бродяжничеству, решил завершить дело Пайвы, но истолковал королевский приказ довольно свободно. Он сопровождал раввина в Аден и Ормуз, а затем, переодевшись арабом, в одиночку отправился в священные для мусульман Мекку и Медину – прежде, чем пробираться в Эфиопию. Так Ковильяну, первому из португальцев, довелось познакомиться с человеком, известным как пресвитер Иоанн, христианский правитель Эфиопии. В действительности звали его Искандер (Александр). Он с почестями принял Ковильяна, но отказался отпускать его. 30 лет спустя Ковильяна встретила очередная Португальская экспедиция. Он прожил в Эфиопии до самой смерти.

Диаш и Ковильян, дополняя друг друга, начертали вполне достоверный маршрут в Индию. Индийский план был выполнен, хотя неизвестно, когда король получил доклад Ковильяна и получил ли вообще. Так или иначе, правитель Эфиопии все-таки приехал в Лиссабон – по просьбе папы, которому Жуан отправил послание для пресвитера Иоанна, изъявляя желание наконец обрести в нем друга – «исследовав все побережье Африки и Эфиопии». Видимо, письмо Ковильяна дошло по назначению. Итак, в начале 1490-х годов сло-

жились благоприятные условия для последнего рывка на Восток и объединения мира. Но этого не произошло. Наоборот, наступил восьмилетний перерыв в экспедициях. Жуана занимали другие проблемы: изматывающие военные кампании в Марокко, куда он ввязался по долгу короля-крестоносца, и болезнь почек, которая в конце концов его погубила. Судьба словно изменила королю. В 1491 году его единственный сын и наследник Афонсу упал с лошади и разбился насмерть. В 1492 году Португалию наводнили евреи, изгнанные из соседней Испании. Страна не была готова к нашествию огромного числа беженцев, пусть трудолюбивых и образованных. Их присутствие требовало постоянного внимания. В следующем году короля ждал еще один удар: 3 марта 1493 года в порт Рештелу под Лиссабоном, где обычно швартовались каравеллы, притащилось потрепанное иностранное судно. Это был Колумб на своей «Санта Марии», который якобы побывал в Индии (современные Багамы, Куба, Гаити и Доминиканская Республика).

Неизвестно, как Колумб, этот отъявленный лжец сомнительного происхождения, оказался в Лиссабоне, хотя следовал в Испанию, где его ожидали патроны – испанские монархи. Может быть, в устье Тежу его забросило штормом. Либо он хотел уязвить короля Жуана, ранее отказавшего ему в покровительстве. Колумб утверждал, что в Португалии ему оказали королевский прием. Португальские источники более сдержанны в оценках почестей, оказанных Колумбу при

дворе. Там его сочли «надутым фантазером, который на словах бессовестно преувеличивает трофеи своей экспедиции в золоте, серебре и прочих ценностях». Но Колумб также привез пленников-туземцев, внешность которых потрясла короля. Это были не африканцы. Эти люди выглядели именно так, как Жуан представлял себе жителей Индии. Впрочем, нельзя было с уверенностью сказать, в какой земле побывал хвастливый генуэзец и где захватил своих пленников. Советники короля предлагали простое решение: тайно убить Колумба, чтобы о его открытиях никто не узнал. Жуан отверг этот совет из моральных и дипломатических соображений: отношения с Испанией были и без того натянуты. Взамен он направил Фердинанду и Изабелле суровую ноту, чтобы уведомить их, что Колумб вторгся на территорию Португалии.

В 1479 году, под конец войны, Португалия и Испания заключили соглашение о границе, проведя воображаемую горизонтальную линию через Атлантический океан, определяющую зоны исследований. Соглашение ратифицировал папа. Жуан был убежден, что земли, которые открыл Колумб, находятся в португальской зоне, и приготовился послать туда собственную экспедицию. За разрешением спора Испания обратилась к папе Александру VI. Папа Борджиа, испанец по происхождению, решил дело в пользу Испании, тем самым подарив ей большой кусок Атлантики, который португальцы считали своим. Гегемония Португалии в Атлантическом океане была поставлена под угрозу. Но португальцы не со-

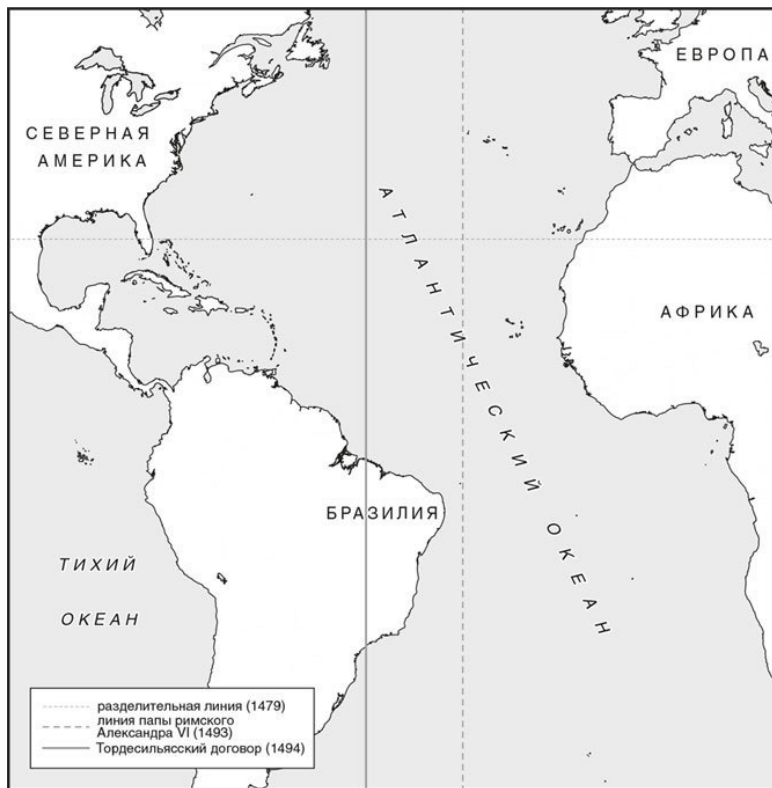
бирались отдавать территории, стоившие им многих затрат и трудов. Жуан пригрозил Испании войной, но в конце концов стороны условились провести прямые переговоры, без участия папы.

В маленьком старинном городке Тордесильяс, на равнинах Центральной Испании, встретились испанская и португальская делегации, чтобы заключить договор о разделе мира. Земной шар был поделен ими надвое от полюса до полюса по Атлантическому океану. К востоку от демаркационной линии была португальская территория, а к западу – испанская. Жуан и его команда астрономов и математиков, обладавшие, вероятно, большим опытом и хитростью, заставили оппонентов передвинуть линию с изначальной позиции, предложенной папой, на тысячу миль к западу – так, чтобы она проходила между португальскими островами Зеленого Мыса и Карибскими островами, открытыми Колумбом, который считал, что они находятся в Азии. Впоследствии это изменение затронуло Бразилию – на тот момент еще не открытую, – помещая ее в сферу португальского влияния.

Впрочем, линия раздела продолжала оспариваться вплоть до 1777 года, поскольку стороны, в ту пору не слишком сведущие в географии Атлантики, затруднялись с определением точной долготы Тордесильясского меридиана.

Как и 1492 год в целом, Тордесильясский договор имел решающее историческое значение. И хотя впоследствии он был одобрен папской буллой, мировая папская гегемония за-

кончилась. Два государства, находящиеся на острие географических открытий, превратили мир за пределами Европы в частное политическое пространство. Координаты новых земель рассчитывали ученые, а монархи производили их захват исходя из своих национальных интересов. «Покажите мне завещание Адама!» – восклицал в этой связи король Франции Франциск I, но прочие европейские нации еще долго не могли соперничать с иберийскими первопроходцами по части расширения своих владений, поскольку не имели необходимого опыта и мастерства в мореплавании. Португальцы оказались удачливее, чем Колумб, вместо Индии угодивший в тупик меж двух Америк. У них было преимущество: они уже более или менее представляли себе, где находится Индия, что и помогло им вскоре совершить первый кругосветный вояж.

Раздел мира: ожесточенное соперничество между Испанией и Португалией за право совершать открытия и покорять территории за пределами Атлантического океана привело к сериям длительных диспутов. Король Жуан был прав, полагая, что Колумб вторгся на португальскую территорию к югу от линии 1479 г. Папа римский принял решение в поль-

зу Испании. В серии булл в 1493 г. он постановил, что сферы влияния должны быть разделены вертикальной линией, проходящей от одного полюса до другого в 100 лигах в западу от Азорских островов и островов Зеленого Мыса. Это давало испанцам право на открытые земли с западной стороны от линии, вплоть до Индии, однако об аналогичных правах португальцев на земли к востоку ничего сказано не было. Потенциальное перекрытие доступа к Индии для Жуана было неприемлемо. По Тордесильясскому договору линия была сдвинута на 270 миль к западу, таким образом в сферу влияния Португалии вошло тогда еще не открытое побережье Бразилии. Также Португалии вернули права на неоткрытые земли к востоку от линии. Договор вызвал дальнейшие споры, когда испанцы добрались до Молуккских островов в 1521 г., двигаясь на запад, португальцы же достигли их в 1512 г., продвигаясь на восток

Король Жуан, которого неприятно удивили успехи Колумба, все-таки вернулся к своему индийскому плану и стал готовить новую экспедицию. Но его время закончилось. После его смерти в 1495 году на трон взошел молодой дон Мануэл, герцог Бежа – тот самый, кто присутствовал при последних наставлениях Жуана Пайве и Ковильяну. Помимо короны Мануэлу достался восьмидесятилетний опыт исследовательских экспедиций и стартовая площадка для экспедиции в Индию – имелась даже древесина для постройки ко-

раблей. И если Жуан II вошел в историю Португалии как Совершенный принц, то Мануэлу было суждено стать Счастливым королем.

Глава 3. Васко да Гама.

Октябрь 1495 – март 1498 года

Как один из королей Ависской династии молодой монарх чувствовал за собой великое предназначение. Он родился в праздник Тела и Крови Христовых, получил при крещении громкое имя Эммануэл, что означает «Господь с нами», и считал, что корона уготована ему судьбой. Когда Мануэл взошел на трон, ему было 26 лет. У него было круглое лицо и непропорционально длинные руки, достигавшие колен, что придавало ему сходство с гориллой. Его воцарению и впрямь предшествовали исключительные обстоятельства: шестерых претендентов на престол постигла ссылка или смерть, включая принца Афонсу, который упал с лошади, и брата Мануэла Диогу, погибшего от рук самого короля Жуана. То есть Мануэл не без оснований считал себя избранныком Божьим.

В преддверии 1500 года с Рождества Христова Европу охва тили апокалиптические тенденции. В особенности это ощущалось на Иберийском полуострове, где испанские власти изгоняли из страны одновременно мусульман и евреев. А Мануэл тем временем все более убеждался, что судьбой ему уготованы великие свершения – например, он сможет истребить мусульман, распространяя христианство по всему миру, и воцариться в нем единолично. «Из всех европейских монархов Господь обращает взор Свой на Вас, Ваше величе-

ство», – писал мореплаватель Дуарте Пашеку Перейра. Тот факт, что маленькой Португалии суждено выполнить историческую миссию, находил подтверждение и в Библии: первые станут последними, и последние станут первыми.

Мечты заставили Мануэла возобновить его индийский план, несколько заброшенный в омраченные невзгодами последние годы правления Жуана II. Но из всех предшественников Мануэла особенно привлекал его внучатый дядя Генрих Навигатор, которому молодой король хотел подражать.

С падением Константинополя христианская Европа испытывала нарастающее исламское давление. Потеснить ислам, объединиться с пресвитером Иоанном и христианскими общинами в Индии, завладеть контролем над торговлей пряностями и разрушить богатство, питающее мамлюкских султанов в Каире, – таковы были геополитические амбиции Мануэла, начавшие формироваться уже в первые месяцы его правления. Причем он хотел перехватить торговлю не только у мамлюков, но и вытеснить с рынков роскоши венецианцев. Имперские, религиозные и экономические соображения соединились в его планах.

Прежде всего, король собрался снарядить экспедицию в Индию. Но когда в декабре 1495 года, через несколько недель после коронации, он созвал общий совет, его предложение было встречено в штыки. Аристократы, с которыми король Жуан прежде не слишком церемонился, не видели в этих экспедициях ни славы, ни выгоды, а один лишь

риск. Куда проще и прибыльнее было совершать корсарские набеги на побережье Марокко. Мануэл же, склонный иногда к проявлениям податливости и нерешительности, мог быть весьма авторитарен. К тому же он обладал наследственным чувством долга и особой миссии, мечтал продолжать дело, начатое предками, и потому отверг все возражения.

Король Мануэл I в образе повелителя мира с девизом «[Мы обращаемся] к Богу на небесах, а к Вам – на земле». По бокам изображены королевский герб с его пятью орнаментальными щитами и армиллярная сфера, легендарный сим-

вол португальских первооткрывателей

Тем же, кто боялся трудностей, с которыми придется столкнуться, если Индия будет открыта, король заявил, что Господь, направляющий его в этом деле, позаботится о Королевстве Португальском. Так он решил продолжать экспедиции, и потом, будучи в Эштремоше, назначил идадьго Васко да Гаму капитан-майором (командующим) всех кораблей, которые отправятся в плавание.

Судя по всему, Васко да Гама был не первым, а вторым среди кандидатов в командующие. Сначала Мануэл хотел поставить во главе экспедиции его старшего брата Паулу, но тот отказался, сославшись на слабое здоровье, хотя и согласился командовать одним из судов.

Да Гама был «холост и достаточно молод (тридцати с лишним лет), чтобы переносить трудности дальнего путешествия». О его предыдущей карьере, опыте и причинах, побудивших короля остановить на нем свой выбор, мы можем лишь догадываться. Известно, что он родился в семье мелкопоместных дворян в портовом городе Синиш к югу от Лисабона и, вероятно, принимал участие в Марокканских операциях. Жизнь Васко да Гамы, как и Колумба, окружена мифами. Очевидно, да Гама был вспыльчив. Ко времени его назначения за ним числилось немало скандалов, и горячность его натуры в полной мере проявится в предстоящем путешествии. О да Гаме, закаленном крестовыми походами и тяго-

тами морских вояжей, чуждом дипломатических любезностей, говорили, что он «храбрый воин, строгий командир и в гневе страшен». Умение командовать и подчинять привлекло к нему внимание Жуана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.